

Международная Научно-Исследовательская Федерация
«Общественная наука»

Научные тенденции: Филология, Культурология, Искусствоведение

Сборник научных трудов

по материалам
III международной научной конференции

26 марта 2017 г.

SCIENCEPUBLIC

Санкт-Петербург 2017

УДК 001.1
ББК 60

НЗ4

Научный диалог: Филология, Культурология, Искусствоведение. Сборник научных трудов, по материалам международной научно-практической конференции 26 марта 2017 г. Изд. ЦНК МНИФ «Общественная наука», 2017. - 24с.

SPLN 001-000001-0126-B5
DOI 10.18411/spc-26-03-2017
IDSP 000001:spc-26-03-2017

В сборнике научных трудов собраны материалы из различных областей научных знаний. В данном издании приведены все материалы, которые были присланы на III международную научно-практическую конференцию **Научный диалог: Филология, Культурология, Искусствоведение**

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Все материалы, размещенные в сборнике, опубликованы в авторском варианте. Редакция не вносила коррективы в научные статьи. Ответственность за информацию, размещенную в материалах на всеобщее обозрение, несут их авторы.

Информация об опубликованных статьях будет передана в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и наукометрическую базу SPINDEX

Электронная версия сборника доступна на сайте ЦНК МНИФ «Общественная наука». Сайт центра: conf.sciencepublicru

УДК 001.1
ББК 60

SPLN 001-000001-0126-B5

<http://conf.sciencepublic.ru>

Содержание

Анисимова Е.В. Нормативные аспекты употребления вариантных форм деепричастий совершенного вида	4
Гун Цзинсун Предлог как служебная часть речи в современном русском языке и как объект лингвистического исследования	8
Калянова Л.М. Основные особенности языка служебных документов при ведении официальной переписки	13
Кулыева А.А. Эдьютейнмент как «креативное образование» в области иноязычной профессиональной коммуникации	16
Роббек Л.В., Васильева Н.Н. О составе и структурных особенностях эпитета в ОЛОНХО «НЮРГУН БООТУР Стремительный» К.Г. Оросина	18
Яхьяева З.И. Особенности жанра лирической повести о детстве в автобиографическом творчестве С.Щипачева	21

Анисимова Е.В.
**Нормативные аспекты употребления вариантных форм деепричастий
совершенного вида**

*Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского
(Россия, Нижний Новгород)*

doi: 10.18411/spc-26-03-2017-01

idsp: 000001:spc-26-03-2017-01

Abstract

The analysis of the variant forms of the adverbial participle perfect, their existence in the language system, due to the history of formation of forms and the peculiarities of the structure of forms and the differentiation of the variants in functional terms.

Современное языкознание рассматривает вариантность языковых единиц как неотъемлемое свойство языковой системы. По своей коммуникативной природе язык является набором материальных единиц для передачи определенного содержания. Двусторонняя природа знака и его асимметричность допускают наличие разных в плане выражения единиц с идентичным содержанием. Сущность вариантности – это возможность передачи одного или близкого содержания несколькими формальными способами.

Причины возникновения вариантности заложены в самой системе языка и определяются условиями его функционирования. Вариантность является естественным состоянием языка и представляется «...следствием языкового развития», условия для появления вариантов создает «открытость, несбалансированность языковой системы». Вариантность может рассматриваться как следствие исторической эволюции языка, взаимодействия языка и диалектов, а также влияния разнообразных внутрисистемных факторов. Входящие в систему языка новые явления функционируют при сохранении уже существующих, и в языке накапливаются однозначные единицы, это выглядит, на первый взгляд, избыточностью формы. Но данная избыточность тоже определяется как естественное свойство живого языка, свидетельствующая об изменениях, происходящих на тех или иных участках языковой системы. Взаимодействие же нового и старого на каждом этапе развития языка обеспечивает преемственность речевых навыков, конкуренция вариантов обычно приводит к закреплению в качестве основной одной из вариантных форм, обладающей определенными внутрисистемными свойствами и обеспечивающей потребности коммуникации.

Предмет исследования в данной статье – вариантные формы деепричастий совершенного вида – относится к грамматической системе языка. Динамический аспект системы – это вопросы ее живого функционирования в настоящем. Анализ живого употребления словоформ по традиции русской грамматики включен в грамматическое учение о слове. Таким образом, описание грамматического явления не может быть полным без описания вопросов конкретного употребления грамматических форм.

В лингвистике различают систему языка и языковое употребление. Последнее чаще определяется как некая совокупность устоявшихся языковых привычек и норм для носителей конкретного языка. Усвоение языка и его использование носит избирательный характер. Более обязательно знание моделей языковых единиц, правил изменения и сочетания слов, общеупотребительной лексики. Что же касается вариантов произношения, словоизменения и сочетания слов, выбора синонимов, то эта сторона речевой деятельности носит не столь обязательный характер, допускаются

индивидуальные отклонения. Посему речевая деятельность не является формальной реализацией языковой системы, сложившейся на данном этапе, но представляет активное, динамичное осознанно-индивидуальное использование языка носителем.

Вопрос «как сказать?», осознаваем он или нет, определяет речевую деятельность носителя языка. Сама природа языка предполагает наличие варьирующихся единиц, поэтому в процессе функционирования языка в речи базовым становится именно выбор языковых единиц. Выбор этот не является абсолютно свободным, он регулируется языковой нормой, которая непосредственно связана с явлением вариантности.

Наличие вариантных форм деепричастий совершенного вида обусловлено историей образования деепричастий и особенностями строения форм, употребляемых в современном русском языке. Русское деепричастие – это которая образовалась в историческую эпоху русского языка. Временем ее образования А.А. Потевня считал XII-XIII век, С.П. Обнорский предполагал, что этот процесс более древний. По происхождению деепричастие – адвербиализовавшаяся форма причастия.

Образование вариантных форм деепричастий совершенного вида С.П. Обнорский объясняет взаимодействием бывших форм настоящего времени на -а: *делая, неся, хваля* и бывших форм прошедшего времени на -въ(ши): *делавъ(ши), несъ(ши), хваливъ(ши)*. «Столкновение временных отношений с видовыми признаками глагола должно было с ранней поры привести к скрещиванию деепричастных форм одного и другого типа». Так по аналогии с парой *неся - нести* образовалось *принеся - принести*, хотя от глаголов совершенного вида невозможно было образовать деепричастие настоящего времени. «В результате такого скрещивания появились две формы со значением деепричастия прошедшего времени: *принесли* (из *принесъ, принесъши*), старого типа образование, и *принеся* – вторичное образование».

Это процесс образования вариантных форм на -а сначала затронул глаголы I спряжения, затем чередование форм на -а и в(ши) у глаголов I спряжения привело к образованию новых деепричастных образований от глаголов II спряжения при основных формах на -в сложился новый тип образований на -а: *наскуча, насторожа*. С.П. Обнорский считал подобные формы разговорными формами литературного языка. Они присутствуют в эпистолярном жанре или произведениях, отражающих живой язык, стилю деловому они чужды.

Отрицательное отношение к формам типа *увидя* высказывали литературные критики еще в XXVIII веке, упрекая А.П.Сумарокова в том, что тот использовал подобные формы. Позднее столь же негативное отношение к данным вариантам продемонстрировал Н.И. Греч. Однако с наличием в языке этих форм нельзя было не считаться: Обнорский отмечает, что воздействие новых форм на -а было настолько сильным, что «этот тип коснулся глаголов на -нуть, от которых вообще по норме деепричастные образования только на -нув»; в качестве примеров приводятся *разиня рот, покиня, стяхня, отриня*. С.П. Обнорский писал о деепричастиях нового типа от возвратных глаголов II спряжения: «Можно указать, что от глаголов *ошибиться, ушибиться* и подобных деепричастия рассматриваемого типа (*ошибясь, ушибясь*) составляют литературную норму, оттеснив старшие соответственные образования на -ившись (*ошибившись* и под.)».

Упоминает Обнорский и деепричастия на -вши. Он отмечает, что уже М. В. Ломоносов, говоря о формах на -в и -вши, считал первые предпочтительными, хотя и допускал употребление форм на -вши. Деепричастия на -вши – это «формы живой, разговорной, бытовой речи».

В русской художественной литературе традиционно употребляются разные формы деепричастий совершенного вида, образованные от одного и того же глагола. Количество таких форм невелико по сравнению с основной деепричастной формой, содержащей суффикс –в/-вши/-, однако их употребление представляет интерес с точки зрения как морфологии, так и стилистики.

В ранних повестях Ф.М. Достоевского «Неточка Незванова» и «Белые ночи» были отмечены формы деепричастий совершенного вида с суффиксом -а, которые образованы от тех же глаголов, что и формы с морфемами -в или -вши. Суффикс -а присоединяется к основе настоящего времени по аналогии с деепричастиями несовершенного вида, тогда как суффикс -в/-вши/-ши соединяется с основой инфинитива. Параллельные формы деепричастий совершенного вида с этими суффиксами являются грамматическими вариантами слова. Вариантные формы в указанных произведениях представлены 18 словоупотреблениями. Все эти формы образованы от глаголов, основы инфинитива которых оканчиваются на гласный -и: *нахмурить, опустить, облокотиться, убедиться* и др.

Употребляются варианты формы с морфемой -в и суффиксом -а/-я, образованные от невозвратных глаголов *опустить, оставить, нахмурить*. Формы *опустив* и *опустя* употреблены по одному разу: *Я долго смотрела, но батюшка все еще не двигался с места; он сидел неподвижно, все в том же положении, **опустив** голову и судорожно опершись руками о колени* (Неточка Незванова); *Я молчала, **опустя** глаза в землю; я едва понимала, что со мною делается и что со мною делают* (Неточка Незванова).

Форма *оставив* встречается 3 раза, *оставя* – 1 раз: *Он было взялся за скрипку, но, тотчас же **оставив** ее, воротился и запер двери* (Неточка Незванова); *Я обернулась и увидела, что он уже сбежал с другой стороны и бежит от меня, **оставив** меня одну, покидая в такую минуту!* (Неточка Незванова); *Она выпила его и легла спать, **оставив** зажженную свечу на столе и дверь отпертою, как всегда делалось на случай позднего прихода батюшки* (Неточка Незванова); *Гости стали смеяться и вскоре ушли все, **оставя** батюшку совершенно не в духе.*

Деепричастные формы *нахмурив* и *нахмуря* употребляются по 1 разу: *Она высвободилась из моих объятий, схватила меня за руки и, **нахмурив** брови, как будто я ее чем-то обидела, спросила меня..* (Неточка Незванова); *- Мать? Умерла?.. – повторял он, смотря на меня в изумлении, **нахмуря** свои густые с проседью брови и немного изменившись в лице* (Неточка Незванова).

От возвратных глаголов *облокотиться, убедиться, увериться* образованы формы с морфемой -вши и суффиксом -а/-я. Формы *облокотясь* – *облокотившись* употреблены 5 раз, при этом деепричастие с суффиксом –а употреблено 4 раза, а форма на -вши – 1 раз: *Я не могла оставаться в комнате, выбежала в наши холодные сени и там, **облокотясь** на окно и закрыв руками лицо, зарыдала* (Неточка Незванова); *Александра Михайловна стояла, **облокотясь** на камин и крепко сжав обеими руками голову* (Неточка Незванова); *Я еще издали заметил ее; она стояла, как тогда, в первый раз, **облокотясь** на перила набережной, и не слыхала, как я подошел к ней* (Белые ночи); *Еще несколько минут она пересиливала свое волнение, но вдруг отворотилась, **облокотясь** на балюстраду набережной, и залилась слезами* (Белые ночи); *В сторонке, прислонившись к перилам канала, стояла женщина; **облокотившись** на решетку, она, по-видимому, очень внимательно смотрела на мутную воду канала* (Белые ночи).

Формы *убедившись* и *убеждаясь* употреблены по 1 разу: *Нередко она обращалась ко мне с вопросами: так ли она слышала и так ли именно выразился Петр*

*Александрович? – как будто ища какого-то другого смысла в том, что он говорил, и только, может быть, целый час спустя, совершенно ободрясь, как будто **убедившись**, что он совершенно доволен ею... (Неточка Незванова); **Убедясь**, что подойти нельзя с первого раза, княжна в недоумении обошла своего неприятеля (Неточка Незванова).*

*Формы **уверившись** и **уверясь** употреблены соответственно 2 и 1 раз: *Тем дело и кончилось, а о пропаже ключа никто более ничего не слышал; я же повела дело так осторожно и хитро, что пошла в библиотеку только через неделю, совершенно **уверившись** в полной безопасности насчет своих подозрений (Неточка Незванова); Он стоял несколько минут посреди комнаты, как будто решаясь на что-нибудь; потом вдруг подошел к постели матушки и, **уверившись**, что она спит, отправился к сундучку, в котором лежала его скрипка (Неточка Незванова); Катя подумала немного и вдруг покраснела, как полымя, **уверясь**, что замечание мадам Леотар справедливо (Неточка Незванова).**

Вариантные формы деепричастий совершенного вида у Достоевского употребляются в авторской речи, между ними невозможно обнаружить семантические или стилистические отличия. Особенно обращают на себя внимание следующие два примера в тексте повести «Белые ночи». Автор описывает совершенно одинаковую ситуацию: встреча героев происходит в одном и том же месте, девушка стоит в одной и той же позе, но в первой сцене Ф.М. Достоевский употребляет форму деепричастия *облокотившись*, а во второй – *облокотясь*: 1. *В сторонке, прислонившись к перилам канала, стояла женщина; **облокотившись** на решетку, она, по-видимому, очень внимательно смотрела на мутную воду канала.* 2. *Я еще издали заметил ее; она стояла, как тогда, в первый раз, **облокотясь** на перила набережной, и не слышала, как я подошел к ней.*

Такое употребление приводит к мысли, в художественном произведении использование вариантов слова имеет особое значение – это разнообразие формы при идентичном содержании. В подтверждение такого мнения можно сослаться на работу «Глагол в предложении. Семантика и стилистика видо-временных форм» Е.Н. Прокопович, где автор указывает, что в художественной литературе формы глагола имеют специфический характер: «Как глагольное слово в целом (в совокупности своих форм), видо-временная форма глагола служит созданию художественного образа. Поэтому если вполне правомерно соотношение слово и образ, то столь же правомерным следует считать и производное соотношение – форма слова и образ».

Данную идею можно спроецировать на целый ряд случаев использования вариантных форм слова в художественном тексте: это не есть только отражение языковой стихии, а одно из средств создания языковой формы произведения.

Со времени своего образования категория деепричастия обнаруживает свойства, которые характерны для нестабильных сфер грамматической системы. Развиваясь медленно, но непрерывно, язык всегда обнаруживает стабильные участки и крайне нестабильные, где происходит замена нового старым. Следствием этого, как уже отмечалось, является наличие вариантов. Отношения между вариантами складываются по-разному: возможно, во-первых, сосуществование вариантных форм в литературном языке, оправданное конкретными внутрисистемными процессами или языковой необходимостью; во-вторых, один из вариантов может присутствовать в литературном языке, а другой находиться за его пределами; в-третьих, может употребляться нормативный вариант и еще не вошедший, но входящий или уходящий, но еще окончательно не покинувший пределы литературного языка.

Варьирующиеся грамматические единицы подчиняются стилистическим закономерностям, на смену оппозициям смысловым приходят оппозиции стилистические. Наличие стилистической нагрузки способствует тому, что варианты формы могут в течение достаточно долгого времени сосуществовать в языке. Дифференциация вариантов в функциональном плане – одна из характерных особенностей варьирования языковых единиц разных уровней. Тенденция к стилистическому размежеванию форм не исключает и противоположного явления – стилистического сближения вариантов за счет нейтрализации книжной или разговорной окраски, что было проиллюстрировано выше. Процессы эти происходят неравномерно, захватывая не все варьирующиеся формы, и неодинаково представлены в разных жанрах и стилях речи.

Литературный язык XX-XXI веков закрепил господствующее положение форм деепричастий совершенного вида на -в. Многие авторы отмечали заметное сокращение использования вариантов форм деепричастий. Высказано также мнение, что в современной художественной литературе варианты деепричастий совершенного вида практически не употребляются. Но исследования показали, что и на современном этапе развития языка писатели используют формы деепричастий совершенного вида на -вши и -а наряду с формами на -в в авторской речи как стилистически немаркированные.

1. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма: На материале современного русского языка. Л.: Наука, 1978. 238 с.
2. Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты. М.: Наука, 1980. 288 с.
3. Потегня А.А. Из записок по русской грамматике. М.: Учпедгиз. 1958. Т. 1-2. 563с.
4. Обнорский С.П. Очерки по морфологии русского глагола. М.: Изд-во Академии Наук СССР. 1953. 252 с.
5. Русская грамматика. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука. 1980. Т.1. 783 с.
6. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М.: Айрис-Пресс. 2010. 448 с.
7. Немченко В.Н. Грамматическая вариантность слова в современном русском языке и литературная норма. Н.Новгород: Изд-во нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 1998. 280 с.
8. Прокопович Е.Н. Глагол в предложении. Семантика и стилистика видо-временных форм. М.: Наука. 1982. 286 с.

Гун Цзинсун

Предлог как служебная часть речи в современном русском языке и как объект лингвистического исследования

*Московский педагогический государственный университет
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/spc-26-03-2017-02

idsp: 000001:spc-26-03-2017-02

Аннотация

В статье проводится системный анализ предлога как служебной части речи, используемой для оформления подчинения одного слова другому в словосочетании или для подчинения детерминанта предложению в целом и выражающей отношение друг к другу тех предметов, действий, состояний и признаков, которые названы этими словами; а также рассматривается история изучения данной группы служебных слов среди русских лингвистов XVIII – XIX вв.

Ключевые слова: предлог, часть речи, служебные слова, предложно-падежная словоформа, логико-грамматические отношения

В настоящее время лингвистика располагает детально разработанной теорией предлога. Традиционным для русской грамматики является восходящее к античности представление, что все слова, образующие речь, составляют части речи [Буланин: 9]. Части речи – категории слов, выделяемые на основании грамматических (морфологических, синтаксических и словообразовательных) признаков, т.е. на основе общего категориального значения, общих форм словоизменения и грамматических категорий и общих синтаксических функций. Античные классификации стали основой построения частей речи в грамматиках нового и новейшего времени. В русском языкознании разделение частей речи на знаменательные и служебные принадлежит Ф. И. Буслаеву (1859); предлог включается в группу служебных.

В современной русской грамматике, которая в значительной мере опирается на грамматическое учение о слове, изложенное в книге В. В. Виноградова «Русский язык», предлоги также рассматриваются как служебная часть речи, противопоставленная союзам и частицам. В отличие от знаменательных частей речи, все служебные части речи, в том числе и предлоги, не обладают способностью самостоятельно передавать определённое, полное значение. Лексическое значение служебных частей речи отличается высокой степенью абстрактности и фактически сближается с грамматическим. Служебные части речи предназначены для выражения отношений между словами в сочетаниях слов и между предикативными единицами, для уточнения, дополнения и конкретизации коммуникативной семантики знаменательных слов и образуемых ими синтаксических конструкций, используемых в связной речи. Выражая различные логико-грамматические отношения между знаменательными словами в словосочетаниях или предложениях либо отношение высказывания к действительности или отношение информатора к сказанному им, такие языковые единицы не обладают способностью выполнять роль члена предложения. В число служебных частей речи традиционно включаются предлоги, союзы и частицы.

Предлог в настоящей работе рассматривается как служебная часть речи, оформляющая подчинение одного слова другому в словосочетании или предложении и выражающая отношение друг к другу тех предметов, действий, состояний и признаков, которые этими словами называются. Именно такое понимание предлога представлено в «Русской грамматике»: «Предлог – это служебная часть речи, оформляющая подчинение одного знаменательного слова другому в словосочетании или в предложении и тем самым выражающая отношение друг к другу тех предметов и действий, состояний, признаков, которые этими словами называются» [Русская грамматика: 706].

В отличие от союза, который также служит для выражения отношений, предлог «является компонентом синтаксической предложной группы» [Сичинава], тогда как союз выражает отношения между знаменательными словами в сочинительном ряду или между предикативными единицами (частями сложного предложения или предложениями в тексте). Таким образом предлоги предназначены для выражения подчинительной связи между словом и словоформой (в словосочетании: *плыть по реке, тетрадь в клетку*) и между грамматической основой (предложением в целом) и словоформой (в функции детерминанта: *В лесу было тихо; У меня нет желания разговаривать*). Границы их синтаксического использования – словосочетание, простое предложение, словоформа в функции заголовка.

Предлоги, наряду с флексиями, являются основным средством выражения подчинительной связи управление, противопоставленной согласованию, где зависимое слово располагает только флексией для выражения грамматической зависимости, и примыканию, где зависимость выражается лексически, порядком слов и контактным расположением. Предлог в таких словосочетаниях связывает управляющий и управляемый компоненты. Например: *учиться на родительские деньги; снимать квартиру под Москвой; стоимость экскурсии оценена в 5000 рублей*

Словоформы с предлогами обычно занимают зависимую позицию в словосочетании. Например: *читать с мобильного телефона*; прислушиваться к высказыванию известного оратора. В функции детерминанта предложно-падежная словоформа может быть и конструктивно связанной: у меня ангина. Однако словоформа с предлогом может быть и синтаксически независимой. Такие словоформы могут не только выступать в роли детерминанта, но и служить заголовками: «У моря», «За свободу» [Золотова: 14]. Рассматривая такие синтаксически непредсказуемые словоформы с причинным значением (*из-за трусости, по приказу* и под.), Н. С. Прудникова говорит не об управлении, а о предложно-именном примыкании [Прудникова: 58].

В. В. Виноградов в число частей речи включал только знаменательные слова, тогда как служебные называл частицами речи, устанавливая их сходство с морфемами [Буланин: 10]. Это особенно важно в отношении предлогов. Некоторые из них и в современном русском языке способны дублировать в словосочетании семантику приставки: *отбежать от остановки, войти в лес, извлечь из кармана* и др. Е. Курилович утверждает, что предлог не слово, а морфема [Курилович: 66–67]. Н. М. Шанский в числе прочих критериев, которые позволяют отличить слово от морфемы, указывает на структурную непроницаемость [Шанский: 10–11]. Действительно, предлоги не допускают морфемного изменения, но позволяют во многих случаях вставить согласуемое слово между собой и словоформой, в составе которой они употребляются. Ср.: *на берегу – на правом берегу*.

Предлоги, как и все служебные слова, не могут употребляться самостоятельно, они всегда относятся к какому-нибудь существительному (или слову, употребляемому в функции существительного). Вследствие своей синтаксической несамостоятельности предлоги никогда не выступают в качестве членов предложения. Они могут употребляться не только с именами существительными (в том числе несклоняемыми), но и с количественными числительными и с местоимениями, заменяющими существительные и количественные числительные. Именно эти слова способны быть управляемыми. Например: *по радио передаются последние новости; только к двоим предъявили претензии; я открыл коробку, в которой лежали подарки*.

Следует учитывать, что сами предложно-падежные словоформы являются речевым материалом для образования слов с новыми грамматическими признаками, т.е. для перехода в другие части речи. Приведем примеры таких слов: наречие вдаль (ср. существительное с предлогом *в даль*), предлог в течение (ср. существительное с предлогом *в течение*, числительное *в оба, по одному, вдвоём*). В том числе появляются слова, напоминающие фрагмент сочетания предлога со словосочетанием, включающим стоящую между предлогом и существительным согласуемую словоформу: *впустую, вхолостую* (ср.: *в пустую комнату; в холостую жизнь*).

В некоторых случаях орфография позволяет различать сочетание знаменательных слов с предлогами и образованные на их основе производные предлоги, например: *не смотря на присутствующих* (деепричастие с частицей, управляющее словоформой с предлогом на) – *несмотря на болезнь* (предлог). Особую трудность представляют переходные случаи – функциональные омонимы, представляющие собой предложно-падежные сочетания, выступающие в роли предлогов и синонимичные им: *по случаю приезда, во время лекции, в отношении работы* и др.

Традиционное для современной русской грамматики выделение предлога в самостоятельную часть речи не является единственным решением и зависит от позиций, на которых лингвисты строят систему частей речи. Так, в классификациях Н. Н. Дурново (1925) и А. М. Пешковского (1938) назван класс частиц, в который включаются также предлоги и союзы. В классификации А. К. Поливановой (1990) служебные части речи вообще не представлены.

По данным НКРЯ [Сичинава 2011] предлоги очень активно употребляются в связной речи – 10,47% от числа всех слов, включенных в тексты НКРЯ (ср.: союзы – 7,93%, частицы – 4,51%). При этом показательно различие в частотности предлогов в художественных и нехудожественных текстах – соответственно 10,05% и 11,09% (несколько выше в нехудожественных, что, возможно, объясняется тенденцией к логической точности).

Приведенная в статье Д.В. Сичинавы таблица диахронного употребления частей речи [Сичинава] показывает постепенное повышение активности предлогов в речи конца XX — начала XXI вв. по сравнению с предыдущими эпохами – ср.: 10,34% после 1980 г.; 9,67% (XVIII—XIX вв.) и 9,96% (1900—1970 гг.).

Предлоги не случайно сочетаются с косвенными падежами существительных и других частей речи: они совместно с флексиями или даже без них (для несклоняемых существительных) выражают объектные, определительные или обстоятельственные отношения. Например: *смотреть за ребёнком, рубашка в клетку, уехать на три года*. По мнению А. А. Шахматова, предлогами являются слова, благодаря которым в сочетании с косвенными падежами более точно и подробно выражаются падежные отношения [Шахматов: 275]. Собственное значение предлога проявляется только в сочетании с падежной словоформой, что особенно очевидно для многозначных предлогов. В отличие от беспредложных словоформ, словоформы с предлогами способны более дифференцированно выражать грамматические отношения, соединяя семантику управляющего и управляемого слова. Ср.: *идти в лес узкой тропинкой – идти в лес по узкой тропинке; борьба за мир* (объектное значение) – поездка за город (пространственное значение). Как замечает В. В. Виноградов, «предлог не только поддерживает и усиливает значение падежей, но и дополняет, специализирует, осложняет их в том или другом направлении» [Виноградов: 555]. Это особенно важно при изучении семантической специализации предлогов одной смысловой группы – например, предлогов причины, которые могут употребляться с одним и тем же падежом. Ср.: *благодаря поддержке – согласно приказу, в связи с праздником – в соответствии с правилом*.

Выбор предлога для словоформы реализуется в прямой зависимости от семантики управляющего и управляемого слова. Подобно окончаниям, предлоги вводят компонент значения в общую семантику словоформы на основе присущего им лексического значения, соответствующего как лексическому значению соединяемых слов, так и грамматической семантике падежа. Например: *дойти до вершины, подарить платок на прощанье*. В первом примере глагол *дойти* требует обозначения предела (в том числе пространственного), это значение может быть выражено родительным падежом (общее значение косвенного объекта) слова *вершина*, обозначающего пространственный объект в сочетании с предлогом *до*, имеющим значение предела.

Предлог служит средством соединения лексической и грамматической семантики управляющего и управляемого слов. Его лексическое значение соответствует грамматическим отношениям между соединяемыми элементами, которые, в свою очередь, определяются как грамматическими, так и лексическими свойствами главного и зависимого слов. Обращенность предлога сразу к двум соединяемым компонентам обнаруживается особенно явно при сильном и регулярно предсказуемом управлении. Например: *Поездка в Англию, всмотреться в картину, настроиться на содержательную гастроль, пригодный для еды*. Однако и в других случаях при установлении грамматического значения предложно-падежной словоформы и, следовательно, выражаемой предлогом семантики необходимо учитывать лексические и грамматические свойства обоих соединяемых компонентов. Значение предлога определяется не только семантикой вводимой им падежной словоформы, но и семантикой управляющего слова. На основе этого положения

рассматриваются условия употребления предлогов причины в главе 2 настоящего исследования.

И. А. Шмыкалова обобщает: «...синтаксические отношения, обозначаемые предлогами, двуплановы: с одной стороны, это отношения грамматической зависимости падежной формы одного знаменательного слова (существительного или его эквивалента) от другого знаменательного слова или сочетания слов, а с другой – это смысловые отношения между данными словами, формирующиеся в результате сложного взаимодействия лексических значений полнозначных слов, семантики предлога и собственно падежной семантики...» [Шмыкалова: 16].

Следует отметить, что для некоторых предлогов, в том числе предлогов причины, семантически более значимыми факторами является лексическое и падежное значение управляемой словоформы. В этом случае семантика предлога оказывается в ослабленной связи с семантикой управляющего слова, а словоформа в целом приобретает свойства свободной. Например, в соединении с лексемами с непространственным значением предлог *из-за* выражает причинное значение, тогда как в сочетании с существительными, имеющими значение пространства, возможна двоякая интерпретация семантики предлога – в зависимости от лексического значения управляющего слова. Ср.: *расстроиться из-за ошибки – выглянуть из-за леса – спорить из-за леса* (в последнем примере совмещаются объектное и причинное значения). Предлог *за* имеет причинное значение в сочетании с творительным падежом лексем *неимение, отсутствие* и *под.*, но может выражать объектно-целевое или пространственное значение в сочетании с другими лексемами, например: *за неимением гербовой бумаги будем писать на почтовой (причина) – я пошёл за сторожем (цель) – я плёлся за сторожем (образ действия и место)*. Такие свободные словоформы могут располагаться в предложении контактно или дистантно по отношению к управляющему слову или выноситься в абсолютное начало предложения (в позицию детерминанта) и выражать тему высказывания. Ср.: *Спор между нами вышел из-за этой статьи – Из-за этой статьи между нами вышел спор*.

В соответствии с внутренней формой термина, предлоги в русском (как и в других индоевропейских языках), обозначая отношения между объектами, между действием и объектом, признаком и объектом, ставятся перед управляемым словом – за исключением тех случаев, когда управляемое слово имеет стоящее в препозиции к нему согласуемое слово. Ср.: *остаться дома из-за болезни – остаться дома из-за внезапной болезни*. Исключение представляет употребление некоторых производных предлогов, допускающих постпозитивное употребление, но такие конструкции обладают экспрессивной окраской, например: *ради чего – чего ради, спустя час – час спустя, вопреки рассудку – рассудку вопреки*.

Изучение предлогов началось очень давно. Предлог выделяется уже в трудах ученых Древней Индии. В 5-м веке до нашей эры в грамматических учениях Александрийской школы в Древней Греции предлог выделяется как отдельная часть речи, наряду с именами, глаголом, местоимением, наречием, причастием, союзом и артиклем. Среди русских лингвистов первыми обратились к предлогам как предмету научного исследования А. Х. Востоков, Н. П. Некрасов, Ф. И. Буслаев, К. С. Аксаков, А. А. Потебня. Теория предлога углубляется в работах Л. В. Щербы, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, Г. А. Золотовой и др.

Так, Александр Христофорович Востоков дает следующее определение предлога (не отграничивая его от приставки): «...слово, поставляемое пред другими словами, отдельно или слитно, в разных значениях: а) отдельно поставленные пред именами и местоимениями предлоги служат в помощь падежам, показывая отношения между предметами; б) слитно с глаголами предлоги показывают направление действий, начало и конец оных, и пр.» [Востоков: 143].

Виктору Владимировичу Виноградову, в частности, принадлежит заслуга выделения и анализа 21 вида выражаемых предлогом отношений. Ученый предлагает учитывать сумму всех лексических значений, выражаемых тем или иным предлогом – в сочетании с разными лексемами и словоформами. Им также применён исторический подход к описанию разветвленной системы предлогов русского языка. В частности, по мнению Виноградова, во второй половине XVIII – первой трети XIX века наблюдается не только значительное увеличение количества производных предлогов, но и расширение числа абстрактных значений у непроизводных предлогов, что обусловлено расширением сфер применения книжной речи. При этом активно развивались группы предлогов, выражающие объектные, целевые, причинные значения. Многие из сформировавшихся в то время предлогов и их значений сохраняются в современном русском языке. Опыт описания системы русских производных предлогов в ее историческом развитии предлагает и Е. Т. Черкасова, отмечая, что процесс образования производных предлогов наиболее активно протекает в сфере деловой речи [Черкасова: 20].

Е. Т. Черкасовой рассматривается и непростая теоретическая проблема лексического и грамматического значения предлогов. Так, Евдокия Трофимовна отмечает, что отличие предлогов от полнозначных слов состоит не в том, что у них нет лексических значений, а в их внутреннем своеобразии, находящем своё выражение в том, что эти значения оказываются в качественно иных соотношениях с грамматическими значениями [Черкасова: 15].

1. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. – Л., 1976.
2. Востоков А.Х. Русская грамматика, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная. – 10-е изд., испр., – СПб., 1859.
3. Виноградова Е.М. Категория причинности и средства ее выражения в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Русский язык в школе. – 2015. – № 3. – С. 36–43.
4. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. – М., 1988.
5. Русская грамматика: в 2 томах. Т. I. – М., 1980.
6. Сичинава Д.В. Части речи. // Русская корпусная грамматика. [2011]. URL: http://rusgram.ru/Части_речи (Дата обращения: 08. 03. 2017)
7. Шанский Н.М. Лексикология русского языка. – М., 1972.
8. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – М., 2001.
9. Черкасова Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги. – М., 1967.

Калянова Л.М.

Основные особенности языка служебных документов при ведении официальной переписки

*Филиал Тюменского индустриального университета в г. Сургуте
(Россия, Сургут)*

doi: 10.18411/spc-26-03-2017-03

idsp: 000001:spc-26-03-2017-03

Известно, что после перехода экономики нашей страны на рыночные отношения и развитием разного вида форм предпринимательства, созданием совместных предприятий растет число всевозможных контактов с зарубежными партнерами. Возникает необходимость написать письмо деловому партнеру – будь то заключение выгодной сделки или просто благодарность за оказанную услугу и т.д.

А так как английский является общепринятым международным языком делового общения, то особый интерес представляет письмо именно на английском языке. В данном случае следует помнить о культуре официальной переписки, которая может быть определена следующими принципами: 1) лаконизм делового письма; 2)

достаточность информационного сообщения, отвечающая целям письма и характеру отношений и 3) ясность и недвусмысленность языка сообщения.

Следует помнить, что существует определенный стандарт в оформлении и написании деловых писем и служебных документов, а также особенности языка, которые необходимо учитывать при составлении деловых документов.

Основными особенностями языка служебных документов являются следующие:

1. Употребление канцелярских штампов - воспроизводимых лексико-фразеологических единиц, которые соотносятся с часто повторяющимися ситуациями, распространенными понятиями (за отчетный период времени, принимая во внимание, выдана для предоставления, прослушав и обсудив...).
2. Использование слов - наименований лиц по действию, состоянию (вкладчик, квартиросъемщик); собирательных существительных (выборы, дети, родители); название лиц по профессии и социальному положению (граждане, служащие).
3. Введение специальной терминологии, не имеющих синонимов в общеупотребительной лексике (приказ, протокол, согласовано, в приказ, сторона, реализация...).
4. Ограничение возможности лексической сочетаемости слов. Например, служебное письмо - составляется (не пишется, не направляется, не посылается).
5. Преобладание имен существительных.
6. Использование отглагольных существительных.
7. Большинство форм глагола выступают в значении долженствования.

Для официально - делового стиля характерна тенденция к сокращению числа значений слов, упрощению их семантической структуры, к однозначности лексических обозначений, вплоть до использования узкой терминологии. Поэтому достаточно часто в текстах данного стиля даются точные определения применяемых слов и понятий, т. е. четко ограничивается их семантический объем. Здесь недопустимы полисемия (многозначность), метафорическое использование слов, употребление слов в переносных значениях, а синонимы употребляются в незначительной степени и, как правило, принадлежат одному стилю: снабжение - поставка - обеспечение, платежеспособность - кредитоспособность, износ - амортизация, ассигнование - субсидирование и др.

В официально-деловом стиле авторская индивидуальность не имеет места. Этот стиль очень замкнут, малопроницаем для других стилей речи. В нем установлены определенные формы документов.

Деловой речи, как уже упоминалось, свойственны безличность изложения и отсутствие собственной оценки. Здесь имеют место беспристрастная констатация, изложение фактов в логической последовательности. Поэтому первое лицо допустимо только в ограниченном числе ситуаций, когда устанавливаются правовые отношения между частным лицом и организацией или государством, например, при оформлении различных доверенностей, при заключении трудового соглашения и т. п.

Деловое общение - это такое взаимодействие людей, которое подчинено решению определенной задачи (производственной, научной, коммерческой и т.д.). Цель делового взаимодействия лежит за пределами процесса общения (в отличие от

лично ориентированного общения, предметом которого выступает именно характер отношений между его участниками).

Деловая переписка, независимо от ее предназначения и уровня, должна отвечать следующим пяти требованиям: ясность (clearness); краткость (лаконичность) (conciseness); завершенность (полнота) (completeness); любезность (учтивость) (courtesy); грамотность (языка) (correctness).

Ясность. Следует помнить, что любое письмо - это послание (обращение) к респонденту. Если последний не поймет его смысл, он, естественно, не сможет правильно отреагировать на него. Для того, чтобы обеспечить ясность и понятность письма, необходимо найти самые подходящие слова и выражения, раскрывающие суть того, что вы хотите изложить. При этом имеют значение не только слова и выражения, но и пунктуация, длина предложений, построение (внутренняя структура) самого предложения, где порядок слов тоже несет смысловую нагрузку, а также разбивка на абзацы (параграфы). Следует добавить, что в деловой переписке предложения должны быть, по возможности, короткими. Хотя в то же время надо помнить, что сплошной набор коротких, рубленых фраз производит нежелательное впечатление. Язык и структура предложения должны соответствовать интеллектуальному и образовательному уровню адресата.

Краткость (лаконичность). Как известно, проблемой для любого делового человека является нехватка времени и в связи с этим он всегда приветствует все то, что сберегает ему и время, и энергию. В связи с этим самым лучшим письмом для делового человека будет то, при чтении которого он быстро схватит его смысл. Таким образом, ясность слов и грамматическая структура дополняются лаконичностью (краткостью) самого письма. Краткость предполагает исключение из содержания письма всех второстепенных деталей, повторов и длинных оборотов речи. И в то же время нельзя слишком упрощать письмо в ущерб полноте, что может быть истолковано как неучтивость и бестактность. Нельзя игнорировать основные факты, относящиеся к делу, как и все те выражения и обороты, которые подчеркивают любезность, сердечность и добрую волю пишущего.

Завершенность (полнота). Полноту содержания письма никогда не следует приносить в жертву его краткости. Все основные мысли и соображения автора должны быть изложены в письме. Чтобы ничего не упустить, предварительно перед написанием письма делается набросок тех пунктов, которые должны найти отражение в послании. После составления черновика еще раз сверяется, отражено ли все то, что предполагалось. Если что-то было забыто, вносится дополнительно. Иногда, чтобы не нарушать целостность и логическую стройность письма, дается *postscriptum* (P.S.), в котором приводится дополнительная информация, в том числе и не имеющая прямого отношения к содержанию письма.

Любезность (учтивость). Каждая уважающая себя деловая организация (фирма), всерьез обеспокоенная заботой о своем успехе, должна проявлять максимум сердечности и учтивости в личных контактах с отдельными лицами и компаниями (учреждениями, предприятиями), поскольку с выражений почтения и уважения к клиенту (деловому партнеру) начинается успех дела. Однако надо и в этом знать меру, помня правило "не пересластить". Слишком назойливое и пространное выражение любезности свидетельствует о слабом вкусе говорящего, даже если он при этом искренен в своих чувствах.

Форма проявления любезности зависит, прежде всего, от содержания письма, т.е. от того идет ли речь о пользе или невыгоде для адресата. К примеру, в случае отказа от какого-либо предприятия (дела), невозможности выполнить чью-либо просьбу (предложение), должна быть проявлена максимальная сдержанность в выражении любезности. Но в любом случае, при самых неприятных обстоятельствах не допускается в деловых письмах сарказм и оскорбления.

Грамотность. Грамотность - обязательное требование к деловым (и вообще к любым) письмам. На что следует обратить внимание:

грамматика (grammar) - правильное построение предложений в соответствии с нормами языка; орфография (spelling); прописные (заглавные) буквы (capitalization); пунктуация (punctuation); согласование (в русском языке) - например, согласно приказу, благодаря ...; написание чисел (цифр) - например, цифры до десяти пишутся словами, числа (свыше десяти) - цифрами.

Нет необходимости подчеркивать, насколько важно уметь правильно составлять деловые и служебные письма, ведь они являются своего рода визитной карточкой вашей фирмы, именно по ним складывается у адресата первое впечатление о вас, как о деловом партнере.

1. Гуринович, В. В. Деловая переписка на английском языке / В. В. Гуринович // Учебно-справочное пособие. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2005.-256 с.
2. Миловидов, В. Английский язык для работников сферы международного бизнеса / В. Миловидов // Учебно-справочное пособие. – Тверь: KOLONNAPublications – Печатный Двор – Издательство ФАМИЛИЯ, 1995. – 336 с.

Кулыева А.А.

Эдьютейнмент как «креативное образование» в области иноязычной профессиональной коммуникации

*Башкирский государственный университет
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/spc-26-03-2017-04

idsp: 000001:spc-26-03-2017-04

Сегодня, когда главной идеей современной системы высшего профессионального обучения является разработка оптимальных методов обучения, нацеленных на подготовку компетентного специалиста, приходит новая интерактивная технология обучения эдьютейнмент. В настоящее время технология эдьютейнмент становится перспективным и популярным форматом образовательных проектов. Эдьютейнмент представляет собой обучение через развлечение. Целью данной технологии обучения эдьютейнмент является внедрение современных форм развлечения в систему традиционных лекций, практических занятий и семинаров. Занятия должны проходить в интересной, увлекательной форме с использованием музыки, видео, веб-сайтов и мультимедийных программ.

В нашей стране данной методикой занимаются М.М. Зиновкина, Н.А. Кобзева, С.В. Кувшинов, А.В. Попов, Д. Перушев. Следует отметить, что М.М. Зиновкина определяет эдьютейнмент как «креативное образование», подразумевая «целенаправленное последовательное освоение учеником передаваемых ему методологий и опыта творческой деятельности с формированием на этой основе собственного творческого опыта» [2, 33].

Один из выдающихся философов США подчеркивал важность инициативы и эмоций в процессе обучения. В частности, он также отмечал первостепенность навыков и умений решения проблем, необходимость развития творчества. Он утверждал, что образование не должно быть скучным и неприятным процессом [4, 77]. Следует отметить, что эдьютейнмент, имея ряд методических преимуществ и перспектив, не может служить альтернативой традиционному академическому образованию. Рассматриваемую технологию можно использовать в качестве приложения для получения новых знаний из современных технических и дидактических средств обучения.

В зарубежной методике подобный формат обучения применяется уже более 30 лет. Зухал Окан заявляет, что цель состоит в том, чтобы уравновесить эмоции пользователя экраном компьютера, наполненной яркой графикой и дизайном, интерактивной педагогикой, чтобы, в конечном счете, убедить пользователей, что обучение является увлекательным и развлекательным процессом [6, 255-264]. По мнению Р. Донован, эдьютейнмент сочетает в себе развлекательный механизм, который помогает снять ненужное напряжение в процессе обучения и способствует эффективному обучению большого количества людей за короткое время [5, 504].

В 2012 году в Германии проводилась седьмая международная конференция Edutainment – 2012. Конференции, посвященные современным технологиям в формате эдьютейнмент становятся крупными международными форумами исследователей в различных областях для обмена новыми идеями и опытом в области, сочетающей развлечение и образование. Научные концепции и методы электронного обучения, игрового обучения, анимационных техник являются темами для обсуждения на конференциях эдьютейнмент.

В отечественной литературе О.Л. Гнатюк определяет понятие «эдьютейнмент» как «цифровой контент, соединяющий образовательные и развлекательные элементы» и обеспечивающий при этом информирование аудитории при «максимально облегченном анализе событий» [1, 65].

Н.А. Кобзева выделяет следующие особенности технологии эдьютейнмент: «наличие процесса двухсторонней взаимосвязанной деятельности субъектов образовательного процесса (субъект-субъектное общение); наличие цели в организации процесса обучения; наличие комфортных условий; гарантия достижения конкретного результата; комплексное применение дидактических, технологических средств обучения и контроля. Согласно ее определению, «edutainment – это технология обучения, рассматриваемая как совокупность современных технических и дидактических средств обучения, которая основана на концепции обучения через развлечение» [3, 195].

В обучении иноязычной профессиональной коммуникации данная технология особенно удобна и эффективна в применении на практических занятиях. Применение аудио-визуальных средств, языковых веб-сайтов, интерактивных досок, игровых методик на уроках иностранного языка помогает сделать занятия более интересными и успешными в усвоении грамматического, лексического материала. Учащиеся проявляют внимание и интерес к изучаемому явлению, становятся активными участниками процесса обучения: охотно вовлекаются в образовательный процесс, получают положительный эмоционально-психологический заряд, отвлекаются от посторонних мыслей и переживаний.

Необходимо подчеркнуть, что важным отличием эдьютейнмента от современной парадигмы обучения является активное участие самого субъекта в образовательном процессе. Следует сделать вывод, что технология эдьютейнмент необходима при обучении иностранным языкам и важно преподнести языковой материал в понятной, простой и увлекательной форме.

1. Гнатюк О.Л. – М.: КНОРУС, 2010. – 256 с.
2. Зиновкина М.М. Педагогическое творчество:уч.пособие. – М., 2007-258с.
3. Кобзева Н.А. Edutainment как современная технология обучения. – Ярославский педагогический вестник. – 2012. - №4. – Том II (Психолого-педагогические науки). – С. 192-195.
4. Dewey, John (1897) My Pedagogic Creed School Journal vol.54 (January 1897), pp. 77-80. [Электронный ресурс]. Available at: <http://dewey.Pragmatism.org/creed.htm>, free.
5. Donovan R. Principles and Practice of Social Marketing, an International Perspective. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. 504 p.
6. Okhan, Z. (2003). Edutainment: Is learning at risk? [Текст] / British Journal of education technology, vol.34, no. 4, pp 255-264.

Роббек Л.В., Васильева Н.Н.

О составе и структурных особенностях эпитета в ОЛОНХО «НЮРГУН БООТУР Стремительный» К.Г. Оросина

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов
Севера Сибирского отделения Российской академии наук
(Россия, Якутск)*

doi: 10.18411/spc-26-03-2017-05

ids: 000001:spc-26-03-2017-05

Эпитет – один из наиболее важных художественно-изобразительных средств якутского героического эпоса олонхо. В текстах олонхо эпитетом может выступить любое определяющее, изображающее и поясняющее слово или группа слов. Последнее обусловлено особенностью эпического повествования, которое ведётся в виде «подробного, детализированного описания-изображения, величаво-замедленного развёртывания эпической картины перед мысленным взором самих олонхосутов и заинтересованных слушателей – сотворцов олонхо» [3, с. 17], что естественным образом влечёт за собой образование сложных эпитетных рядов неопределённой длины. Это порой создаёт впечатление, что якутский эпос практически целиком состоит из определительных конструкций и определяемых ими объектов.

Постановка вопроса о составе и структурных особенностях эпитета определяется недостаточной изученностью указанной проблемы в якутском языкознании, а также её важностью для лингвофольклористического изучения олонхо. Рассмотрим выдвинутый вопрос на примере анализа текста олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К.Г. Оросина (1947).

Для эпитета анализируемого олонхо наиболее характерной чертой является сложность его состава.

Простые, однословные эпитеты в тексте данного олонхо в количественном отношении уступают сложным эпитетам. В основном однословные определения можно встретить в отрезках повествовательного типа:

*Оон-ньаа **улахан** тойоттор эппиттэрин кэннэ хайтах гыныамый* ‘но как мне быть, раз повелевают такие важные господа’ [2, с. 78]; *инньэ диэтэ да, сотчоботохто «сур» гынан хаалла **үүһэ** бухатыыр халлааныгар* ‘так сказав, небесный богатырь тотчас же со свистом взвился к небу’ [2, с. 116]; ***Ытык** хайа үрдүгэр «лап» гына түстүлэр да,*

охсуһан имитэлэһэн бардылар ‘спустившись на Почтенную гору с сильным стуком, безостановочно продолжали бить друг друга’ [2, с. 134].

Однако употребление даже однословных эпитетов здесь крайне изошрённо. Выражается это в том, что в составе синонимического параллелизма однословные эпитеты неоднократно повторяются:

<u>Дириң</u> дойду дьылбиттэринэн,	Мошенниками глубокой страны,
<u>түгэх</u> дойду түөкүттэринэн,	злодеями донной обители,
<u>аллараа</u> дойду албыннарһанан	обманщиками нижнего мира

[2, с. 66].

В якутском эпосе многократное повторение однословного эпитета усиливает общее значение выражения, в основном используя для этой цели контекстную синонимизацию. Так, эпический объект *дойду* ‘страна’ определяется здесь эпитетами-синонимами дириң ‘глубокая’, түгэх ‘донная’ и аллараа ‘нижняя’. Это способствует постепенному и, как следствие, глубокому раскрытию образа Нижнего мира путём наложения друг на друга сходных, но дополняющих значение предыдущих определений эпитетов.

Сложность состава эпитета в анализируемом олонхо также выражается в наличии в нём составных эпитетов, содержащих не одно, а несколько однотипных определений. К примеру, в выражениях уруйдаах добун туйгун дьулуо маҕан халлаан ‘отменно благодатное, гладкое и чистое белое небо’ – эпитет состоит из пяти разных, но в совокупности дающих содержание, которое максимально полнокровно раскрывает образ эпического неба, прилагательных; сорудахха сылдыар үс күн дьөһөлдүт уолаттар ‘три солнечных парня-служителя, исполняющих поручения (богов)’ [2, с. 136] – эпитет божественных посланцев выражен пятью словами разных грамматических форм; таллан тараах таас уораҕай дьийэ ‘громадное, построенное из полосатого камня, жилище’ [2, с. 242] – сложный эпитет насчитывает четыре отдельных определения-прилагательного.

Однако самым изошрённым видом усложнённой эпитетики в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К. Оросина является так называемый «наслоённый» эпитет. Как пишет Л.С. Ефимова, такой эпитет имеет в своём составе слова, которые имеют свою собственную систему эпитетов [1, с. 16]. Рассмотрим пример «наслоённого» (*термин Л.С. Ефимовой – Л.Р, Н.В*) эпитета:

<i>Онон, мин санаабар,</i>	Поэтому я полагаю,
<i>күдэн хара моонньоохтоох,</i>	что (мой сын) будет человеком
<i>ньыгыл хара борбуйдаах,</i>	с огромной мощной грудью,
<i>бараа хара бытчыңнаах,</i>	с крепким коленным сгибом,
<i>суон модун моонньоох,</i>	с плотными тёмными мышцами,
<i>халың ньыгыл баппаҕайдаах,</i>	с толстой, могучей шеей,
<i>күүстээххэ көрүңнээх,</i>	с тяжёлой, сильной ладонью;
<i>быһыйга быһыйлаах,</i>	сильнейшим по виду,
<i>бухатыырга холобурдаах</i>	быстроногим по внешности,
<i>киһи буолуо дии саныыбын</i>	с истинно богатырским обликом

[2, с. 80].

В приведённом примере определяемый объект – *киһи* ‘человек’. Определяющая конструкция выражена эпической тирадой. В структуре этой тирады содержатся компоненты, которые имеют собственные определяющие слова, тем самым, образуя вторичную эпитетную систему. Это существительные моонньоох букв. ‘подгрудок’, борбуй букв. ‘колени’, бытчың ‘мускул; мышца’, баппаҕай ‘ладони’, көрүң ‘вид’, быһый ‘внешность’ и холобур ‘облик’, образующие при помощи аффикса –лаах имена обладания: моонньоохтоох букв. ‘с подгрудком’, борбуйдаах букв. ‘с коленями’, бытчыңнаах ‘с мускулами; мышцами’, баппаҕайдаах ‘с ладонями’, көрүңнээх ‘с видом’,

быһыылаах ‘с внешностью’ и *холобурдаах* ‘с обликом’. В определительной тираде данные слова выполняют двоякую функцию: во-первых, выступают эпитетом к основному определяемому объекту *киһи* ‘человек’ и, во-вторых, одновременно имеют собственные эпитеты: *моонньох* – *күдэн хара* ‘грудь огромная, мощная’, *борбуй* – *ныгыыл хара* ‘колени очень крепкие’, *бытчың* – *бараа хара* ‘мускулы – сильно плотные’, *банпаҕай* – *халың ныгыыл* ‘ладонь – тяжёлая, сильная’.

Таким образом, являясь эпитетами к основному определяемому объекту, эти слова сами также относятся к категории определяемых объектов. Данное явление было отмечено П.А. Слепцовым: «В фольклорном тексте в пределах ритмико-синтаксического параллелизма и даже большого периода многие слова и сочетания семантически уподобляются и образуют крепко спаянные сложные смысловые единства, дающие целостную характеристику – образ эпического объекта» [4, с. 220].

Рассмотрим другой пример наслóенного эпитета:

<i>Улаҕата биллибэт,</i>	С длинным-предлинным полем
<i>уңуоргута хотон көстүбэт</i>	с неизведанными пределами,
<i>уһун дураар хочолоох;</i>	с невидимыми краями;
<i>киэңэ биллибэт,</i>	с необъятною долиной
<i>кэрдиитэ көстүбэт</i>	с неизведанными просторами,
<i>киэң дьалхаан сыһылаах</i>	с невидимыми расстояниями

[2, с. 162].

Здесь объектом художественного определения выступают слова *хочо* ‘поле’ и *сыһы* ‘долина’, охарактеризованные рядом эпитетных конструкций. В таких случаях непосредственными можно назвать те эпитеты, которые находятся ближе остальных к определяемому слову. В данном случае ими выступают сочетания слов *уһун дураар* ‘очень длинный’ к объекту *хочо* ‘поле’ и *киэң дьалхаан* ‘широкий, необъятный’ к объекту *сыһы* ‘долина’.

Кроме названных, существуют вторичные компоненты эпитета, выраженные синтаксическими образованиями *улаҕата биллибэт*, *уңуоргута хотон көстүбэт* ‘с неизведанными пределами, с невидимыми краями’ к объекту *хочо* ‘поле’ и *киэңэ биллибэт*, *кэрдиитэ көстүбэт* ‘с неизведанными просторами, с невидимыми расстояниями’ к объекту *сыһы* ‘долина’ и отделённые от определяемого слова непосредственными эпитетами.

Вторичные компоненты призваны детализировать определение, образно поясняя и дополняя значения непосредственных эпитетов. В преобладающем большинстве вторичные эпитеты содержатся в структуре ритмико-синтаксического параллелизма. Немаловажную роль при подборе таких эпитетов имеет и аллитерационно-ассонансная звуковая гармония. С функциональной точки зрения вторичные эпитеты занимают более слабую позицию, чем эпитеты, находящиеся в непосредственной близости к определяемому слову.

Таким образом, состав эпитетов и структура сложных эпитетных конструкций олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» достаточно разнообразны. Однако анализ показал и то, что практически весь материал вполне можно систематизировать.

1. Ефимова Л.С. Лексико-семантические особенности языка хороводных песен якутов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук (10.02.02). – Якутск, 2004. – 20 с.
2. Нюргун Боотур Стремительный / Текст К.Г. Оросина; ред. текста, пер. и комментарии Г.У. Эргиса. – Якутск: Кн. изд-во, 1947. – 409 с.
3. Слепцов П.А. Язык олонхо: лексика, семантика // Якутский язык: лексикология, лексикография: сб. науч. ст. – Якутск: ЯНЦ СО АН СССР, 1989. – С. 5-22.
4. Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Формирование и становление общенациональных норм. – Н.: Наука, 1990. – 273 с.

Яхьяева З.И.

Особенности жанра лирической повести о детстве в автобиографическом творчестве С.Щипачева

*Чеченский Государственный педагогический университет
(Россия, Грозный)*

doi: 10.18411/spc-26-03-2017-06

idsp: 000001:spc-26-03-2017-06

Аннотация

Статья посвящена характеристике жанра лирической повести в автобиографическом творчестве С.Щипачева. Данное произведение рассматривается в контексте аналогичных текстов отечественной литературы периода оттепели. Автор считает, что проза поэта образует особый художественный мир. В статье определяются основные мотивы прозы С.Щипачева, делаются выводы о ее продуктивности.

Ключевые слова: сюжет, эпическое, лирическое начало, прозаическая ткань, лирический тип героя, восприятие, картина мира.

Имя Степана Щипачева (1899 —1980) практически неизвестно читателям молодого поколения, рожденным в 1980-90-х годах. В восприятии же читателей более старшего возраста его поэзия в основном «не выходит за рамки обычного воспевания коммунизма, отечества и счастливого будущего» [1]казак, Но, как справедливо отмечает тот же весьма критичный к литературе советского периода автор, в мировосприятии, в поэзии и прозе С.Т.Щипачева «эта программа связывается в ней с мотивами природы и любви» [1,491].

Вместе с тем в наследии поэта имеется произведение, менее пропагандированное официальной критикой, но куда более интересное и чем его идеологически регламентированное творчество. Книга С.Щипачева “Березовый сок” (подзаголовок “Повесть о детстве») вышла в свет в 1965 году в контексте общероссийской, точнее общесоюзной «оттепели». Возможно, она несколько затерялась среди большого круга других более ярких произведений этого рода («Дневные звезды» О.Берггольц, «Владимирские проселки» В.Солоухина, «Мой Дагестан» Р. Гамзатова, «Долгое-долгое детство» М. Карима, «Воздушные фрегаты» Л. Мартынова, «На Ельнинской земле» М.Исаковского, «Угощаю рябиной», «Сладкий остров» А.Яшина и другие), но объективно она представляет несомненный интерес своей лирической достоверностью и отсутствием конъюнктурности, искренностью, точностью психологической нюансировки, глубиной и непосредственностью чувства, верностью деталей. Тенденция к автобиографизму, к раскрытию темы детства, юности возникла в творчестве С.Щипачева значительно раньше, уже в поэме “В добрый путь”.

Появление значительного прозаического произведения также не было случайным в творческой биографии поэта-лирика. Уже в ранних его поэмах заметно тяготение к эпосу, сюжетное повествовательное начало. И это, безусловно, как бы готовит преобразование основной линии поэта. Но примечательно, даже парадоксально, что в своей повести С.Щипачев оказывается гораздо большим лириком, чем в поэмах.

В “Березовом соке” сюжет повествования ослаблен, и лирическое начало преобладает над эпическим. Хотя в прозаическую ткань книги почти не введены стихи, повесть насыщена поэзией. Лирический тип героя, органическое чувство родства его с землей, природой, народом придает ей романтическое звучание. Илья Эренбург отмечал такую особенность поэтического характера С.Щипачева, как “душевное целомудрие, которое диктует ему сжатую форму стиха” [4, 203].

Это свойство не менее, а, возможно, и более ярко выступает не в лирике, а в автобиографической прозе С.Щипачева. Небольшая по объему, носящая, на первый

взгляд, камерный характер, не претендующая на широту охвата фактов, событий (о чем, казалось бы, говорит само название - "Березовый сок"), повесть поражает своей емкостью и многоаспектностью. Автор в книге идет от первых проблесков памяти, воссоздания отдельных запомнившихся эпизодов - к полной, всесторонней и отчетливой картине духовной жизни повзрослевшего героя. Руководящие автором эстетические принципы давали возможность художнику отразить время, наиболее полно раскрыть идейно-эстетический потенциал своего дарования.

Анализируя автобиографическую прозу С.Щипачева, мы неизбежно будем обращаться к его поэзии, питавшееся их того же источника - духовной личной биографии поэта. Первая глава книги "Проблески памяти" начинается так: "Смутно, словно во сне, я вижу красное вечернее небо и землю, залитую его светом, мои ноги касаются ее тепла и делают неуверенные шаги. Мать говорит что-то ободряющее и смеется» [3, 43]. Кратко и сдержанно зафиксированный а памяти эпизод важнейшего жизненного события - первого шага человека, поданный и осмысленный в некоем планетарном контексте (небо, закат солнца, земля) - в лирическом стихотворении наполняется, обогащается поэтической стихотворной образностью:

Теплую, красную от заката
Помню я землю за нашей избой.
С еле заметной, немножко покатою,
В красный закат уходящей тропой.
Этой тропинки ступнями касаясь,
Делал я первые в жизни шаги...
Рядом ступала сестрѐнка босая,
не выпуская моей руки.
[3, 97].

Эти волнующие своей душевной чуткостью, непосредственностью и открытостью строки, вызванные незаурядностью самого события-переживания, сменяют другие, более обобщенные, но столь же искренние и свободные от какой бы то ни было риторики, фразы.

Путь свой Земля продолжает по кругу.
Детство моё, ты в таком далеке!
Но и сегодня верную руку
Хочется чувствовать на своей руке.
[3, 97].

Первые страницы автобиографической книги - первые страницы жизни. Даже самые ранние отрывочные воспоминания красочны, незаурядны, в них чувствуется полнота восприятия жизни, многомерность бытия. Эпизоды разного жизненного масштаба, но одинаково интересные и впечатляющие в младенчестве, следуют один за другим, как фотокадры, почти без комментариев автора. Так, впервые приведенный к тетке в гости мальчик вначале дичился, «но понемногу осмелел; подошел к подоконнику и стал разглядывать цветок в маленьком горшочке» [3, 100]. Первоначальный дух познания, постижения мира всеми органами чувств, ведет ребенка дальше. "Заметив, что тетка на меня не смотрит, я оторвал от цветка зеленый листик и растер его пальцами. Ноздри втягивали горьковато-теплый запах"[3, 100].

Зрительное восприятие в данном эпизоде перемежается с обонятельным, затем – вновь зрительный, затем – звуковой и далее – сенсорный, осязательный образ, и все это создает в восприятии ребенка и в точном и ярком изложении писателя объемную, зримую, полифоническую, многомерную и многоплановую картину мира: «Потом я загляделся на большую синюю муху, которая громче всех жужжала и ударялась о стекло. А когда глядеть на муху надоело, я стал рассматривать приклеенную к стене картинку, где был нарисован какой-то человек с голубой лентой наискось через всю грудь. Тетка Татьяна подошла ко мне, ткнула в картинку темным старушечьим

пальцем и наставительно сказала: «Это царь, запомни...» [3, 380]. Богатство зрительных, слуховых, осязательных ощущений дополняется впечатлениями, пока не осознаваемыми, иного порядка - картинка с неведомым человеком в голубой лепте через всю грудь. Но все это надежно запечатлевается в памяти.

С суровым лаконизмом, посредством сдержанных выразительных деталей автор рисует первое, еще смутно воспринимаемое четырехлетним мальчиком горе - смерть отца - сильного, работающего, но не способного выбиться из поистине каторжной работы и нищеты человека. Его коварно и зверски избили сыновья кулака Трофима. "Рубаху я на нем по лоскуткам отмачивала», – вспоминает герой горестные слова матери. "Я был еще слишком мал, чтобы запомнить, как шли за гробом отца бабушка, мать и мы четверо - все мал мала меньше", - сдержанно, скорбно и трагически объективно оценивает возможности своей памяти автор, - «но некрашенный гроб на дне могилы - запомнился, заполнилось, как бабушка велела мне бросить на него горсть земля" [3, 282].

В семье, доведенной до нищеты и отчаяния, пришлось пойти по миру мальчику и бабушке. Она сшила ему из старой пестрядиной рубахи котомку, которой ребенок не преминул похвастаться перед соседкой. В этой доверчивости, детской непосредственной наивности – весь герой, еще пока не знающий, что такое горе, несчастье, готовый радоваться любому проявлению нового в его не слишком богатой событиями жизни. И все же мальчик изначально обладал счастливой способностью видеть необыкновенное, положительное в обыкновенном, повседневном, что и наполняло его жизнь особым смыслом.

Прозаические опыты поэтов по преимуществу имеют автобиографическое начало, лирический характер, являясь своеобразным синтезом поэзии и прозы. «В автобиографической прозе ... соединяются две столь далёкие ипостаси – документ и лирика. Максимально объективное, достоверное – и явно субъективное, ассоциативно-метафорическое, образное» [2, с. 275]. «Стих всегда немного клетка для мыслей», – писал Ж. Ренар. Для характеризуемого нами поэта С. Щипачева стих – не клетка, а органичная форма творчества, в которой он достиг значительного уровня. Но, видимо, его привлекала возможность иного аспекта взгляда на мир. Стремление дать, помимо субъективной, эмоциональной, лирической, более обстоятельную, объективную и многогранную характеристику вещей и явлений привело его к автобиографической прозе.

1. Казак В. Лексикон русской литературы XX века = Lexikon der russischen Literatur ab 1917 / [пер. с нем.]. — М. : РИК «Культура», 1996. — XVIII, 491 с.
2. Степанова Т.М., Аутлева Ф.А. Национальные образы мира в автобиографической прозе Исхака Машбаша. Язык, этнос, культура. Материалы Международной научно-практической конференции. Черкесск, 9-10 октября 2015 года. – Черкесск: Изд-во ФГБОУ ВПО «Северо-Кавказская государственная гуманитарно-техническая академия», 2015. - с.273-277
3. Щипачев С. Избранные произведения в двух томах. М: Худож.лит.,1965, т.2, 496 с.
4. Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь. <http://profilib.com/chtenie/137483/ilya-erenburg-lyudi-gody-zhizn-268.php>. Дата обращения: 02.02.2017

SCIENCEPUBLIC

Научное издание

Научный диалог:
Филология, Культурология, Искусствоведение

Сборник научных трудов, по материалам
III международной научно-практической конференции
26 марта 2017 г.

SPLN 001-000001-0126-B5

Подписано в печать 23.04.2017. Тираж 400 экз.
Формат.60x84/16. Объем уч.-изд. л.1.38
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Отпечатано в типографии НИЦ «Л-Журнал»
Главный редактор: Иванов Владислав Вячеславович